

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ: КАК РАБОТАЕТ ТЕКСТ

Цикл «Реплики»

ФИЛОСОФИЯ КАК ЭКСПЕРТИЗА

Участники: М.А. Пронин, Б.Г. Юдин
Организатор проекта и ведущая – Ю.В. Синеокая

Пронин Михаил Анатольевич – кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика». Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pronin@iph.ras.ru

Юдин Борис Григорьевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: byudin@yandex.ru

Синеокая Юлия Вадимовна – доктор философских наук, профессор РАН, заместитель директора. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Дискуссия посвящена обсуждению экспертной функции философии. Эта функция становится актуальной в связи с возрастающим воздействием новейших технологий на окружающий мир и на самого человека. Тенденция развития и применения человекоориентированных технологий заставляет задуматься о возможностях радикального изменения физических, психических, интеллектуальных и даже моральных характеристик человека, о том, каковы будут эффекты использования таких технологий. Участники дискуссии едины в отказе от установок «технологического детерминизма», в соответствии с которыми человек и общество не могут влиять на направления технологического прогресса и должны приспосабливаться к тем переменам, которые влечет за собой применение новейших технологий. По мнению участников дискуссии, можно и должно пытаться предвидеть последствия многообразных воздействий на человека технологий, а для этого необходимы такие инструменты, как философское воображение и вырабатываемые философией средства рационального мышления. Участники дискуссии иллюстрируют выдвигаемые ими тезисы на примерах деятельности Комитета по биоэтике Совета Европы, привлекающего философов для всестороннего обсуждения последствий развития новейших технологий на права и достоинства человека. В этом же контексте рассматривается история становления виртуалистики как нового направления, сделавшего актуальной философскую экспертизу мировоззренческих установок исследователей, а также на примере чернобильской катастрофы продемонстрировавшей те риски, которые несут с собой новые технологии.

Ключевые слова: антропология, гуманитарная экспертиза, биоэтика, человекоориентированные технологии, «улучшение» человека, виртуалистика

Ю.В. Синеокая. Дорогие коллеги, сегодня мы обсуждаем крайне актуальную тему – философия как гуманитарная экспертиза. В экспертной составляющей философского знания все чаще начинают усматривать основную роль философии, ее цель и пользу. Философией часто называют критику идеологий, говорят о философии как о мировоззрении, как о науке, как об искусстве. Есть разные точки зрения. Но сейчас речь пойдет о философии как гуманитарной экспертизе новых технологий и методологии комплексного изучения человека. У нас в гостях два исследователя из Института философии. Член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Человек» Борис Григорьевич Юдин, ученый, известный своими работами по философии и этике науки, биоэтике. И Михаил Анатольевич Пронин, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика», принимавший участие в ликвидации последствий аварии в Чернобыле.

Б.Г. Юдин. Сначала я должен объяснить, откуда возникла такая тема. В мае прошлого года вместе со своим коллегой Павлом Дмитриевичем Тищенко мы были в Страсбурге, где находится Совет Европы. В Совете Европы есть Комитет по биоэтике, который проводил тогда конференцию под названием «Новейшие технологии и права человека». Идея этой конференции была в том, что сейчас во многих областях биотехнологий, и прежде всего в сфере биомедицинских технологий, имеется множество прорывных достижений, которые, очевидно, оказывают или будут оказывать очень серьезное влияние на проблематику прав человека, которая является ключевой для Совета Европы. Меня на этой конференции поразило то, что все главные доклады были сделаны философами.

Это было особенно удивительно, поскольку я почти 20 лет регулярно езжу в Страсбург на пленарные заседания Комитета по биоэтике как представитель России, и на моих глазах в составе этого Комитета происходили характерные перемены. В первые годы довольно многие страны были представлены философами. Каждую страну в этом комитете представляет как минимум один эксперт, а всего в Совет Европы входит 47 стран, так что обычно приезжает порядка 40 экспертов. Лет 20 назад многие из них были философами, а наряду с ними были и медики, и биологи, довольно много юристов. В последующие годы происходил процесс «вымывания» философов, так что на сегодня я остаюсь единственным философом среди более чем сорока экспертов, работающих в Комитете по биоэтике; всех остальных философов сменили специалисты из других дисциплин.

Осмысливая этот феномен, я пришел к такому выводу: тогда, примерно 20 лет назад, был разработан и принят исключительно важный документ. Он носит очень длинное название: «Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине», так что в повседневном обиходе его называют Конвенцией Совета Европы о биомедицине и правах человека, либо, еще короче, Конвенцией о биоэтике, либо, наконец, совсем коротко, Конвенцией Овьедо – именно в этом испанском городе 4 апреля 1997 г. она была открыта для подписания.

Когда этот документ создавался, биоэтический дискурс только начинал выходить за узкопрофессиональные рамки и привлекать внимание широкой общественности. И это расширение круга тех, кто вовлекался в обсуждение биоэтических проблем, во многом происходило благодаря участию в этом обсуждении философов – как тех, кто специализировался в сфере этики, так и работавших в области философии науки и технологий. Собственно, саму разработку Конвенции Овьедо можно трактовать не только как подготовку документа, призванного зафиксировать определенные этические и юридические нормы, но и как выработку языка, который позволял бы вести осмысленное обсуждение совершенно нового круга проблем на уровне не только специалистов-экспертов, но и тех, кого принято называть рядовыми гражданами. С одной стороны, бурный прогресс биомедицинских наук и технологий порождал немало моральных и правовых коллизий, с которыми прежде людям не приходилось сталкиваться. С другой стороны, эти коллизии возникали не где-то в заоблачных абстрактных высях, интересующих лишь ученых и философов, а в повседневных жизненных ситуациях.

Таким образом, основная идея документа состояла в том, что многие новейшие открытия и достижения в области биологии и медицины не только расширяют возможности человека, не только помогают лечить заболевания, которые прежде не поддавались лечению, но и порождают немало новых этических и юридических проблем, напрямую затрагивающих права и достоинство человека. Многие из этих проблем отличает то, что для их осмысления и решения оказывается недостаточным накопленный человечеством опыт моральной и правовой рефлексии, так что их бывает трудно не только корректно сформулировать, но даже и выявить. Было понятно, что все эти проблемы носят междисциплинарный характер и что именно с позиций философии можно увидеть их в предельно широкой перспективе, удерживая при этом в фокусе и даже заново обнаруживая их различные дисциплинарные аспекты. Поэтому философы играли существенную роль в разработке основополагающих принципов Конвенции и в подготовке ее текста.

Однако после того, как этот документ был разработан и принят, Комитет по биоэтике Совета Европы занялся работой более технического порядка – разработкой документов, в которых общие принципы Конвенции Овьедо детализируются применительно к различным областям биомедицины, таким как трансплантология, генетическое тестирование, вспомогательные репродуктивные технологии и т. п. Как оказалось, для такого рода деятельности философы не очень-то нужны. На заседаниях Комитета я время от времени пытался говорить о каких-то проблемах более общего, философского характера, но поддержки при этом, как правило, не встречал.

И вот вдруг оказалось, что Совет Европы заинтересовался совершенно новой сферой так называемых эмерджентных технологий. Это технологии, которые только придумываются, конструируются, создаются. Иногда их называют еще конвергентными, имея в виду, что они основываются на взаимодействии нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий. Многие из этих технологий нацелены непосредственно на человека и, как представляется сегодня, их воздействие на человека, с одной стороны, позволит существенно усилить его физические, психические, интеллектуальные способности, но, с другой стороны, чревато очень неопределенными и трудно прогнозируемыми рисками для его здоровья, прав, достоинства и т. п. Таким образом, размышления о возможностях этих технологий заставляют всерьез задумываться и о том, что будет происходить с человеком, на которого они будут

воздействовать, вплоть до постановки вопроса о том, можно ли будет вообще наделенных такими сверхъестественными способностями существ относить к человеческому роду. Вполне возможно, что мы сегодня стоим на пороге каких-то кардинальных преобразований, глубоких изменений самой природы человека. Представляется поэтому, что, как и в ситуации с разработкой Конвенции о биоэтике, здесь становится необходимой та широкая и вместе с тем основательно продуманная перспектива, которая задается философией. Такая перспектива предполагает, с одной стороны, наличие богатого воображения, а с другой – способность выстраивать рациональную аргументацию. Именно она и только она в состоянии определить те отправные точки, которые позволят ориентироваться в необозримом пока поле новых технологических возможностей воздействия на человека¹.

В процессе подготовки конференции по эмерджентным технологиям было два доклада. Один был составлен группой философов из Голландии, другой – норвежскими философами. Обе группы попытались представить общую картину того, какие риски возможны, как их классифицировать, насколько они актуальны, какие из них можно ожидать в близком, а какие – в отдаленном будущем. Поучаствовав в конференции, я понял, что в первую очередь именно философы могут и должны выступать экспертами в этой области, для которой сегодня характерна глубокая и многоплановая неопределенность. Разумеется, эту неопределенность не следует понимать как основание для того, чтобы заняться гаданием на кофейной гуще; тем не менее очевидно, что ни одна из конкретных областей научного знания, ни их междисциплинарное объединение не в состоянии выработать ориентиры для освоения той области неизведанного, к которой мы неуклонно приближаемся. На мой взгляд, философия оказывается незаменимой в деле выработки таких ориентиров. Я не хочу тем самым сказать ничего плохого про философов, наоборот, я хочу сказать, что они здесь оказываются незаменимыми. Может быть, в будущем, когда эти технологии начнут принимать какие-то более осязаемые очертания, необходимость философского осмысления того, что они могут принести человеку и человечеству, сойдет на нет, так что философы смогут вернуться к изучению того, что было сделано Аристотелем, Ницше, другими выдающимися мыслителями. Сегодня же они востребованы именно здесь.

Вот таким образом и возникла проблема философии как экспертизы. Я должен сказать, что далеко не все философы соглашались с таким видением философии. При этом я подчеркну, что, говоря о философии как об экспертизе, я никоим образом не хочу отбрасывать никаких других характеристик философии. Я имею в виду лишь то, что, помимо всего прочего, философия сегодня нужна и востребована в этой вот функции экспертизы.

При этом само понимание экспертизы в нашем секторе гуманитарных экспертиз и биоэтики оказывается более широким по сравнению с традиционными ее трактовками. Согласно таким трактовкам, экспертиза – это то, что делают люди, которые являются специалистами в той или иной области. Перед ними ставится некоторая задача, скажем, выбора наилучшего по тем или иным критериям проекта из числа нескольких предложенных, и они, исходя из своих знаний, опыта и квалификации, определяют наилучший вариант. Наше понимание экспертизы более широкое, оно никоим образом не ограничивается формулированием такого решения, которое стало бы обязательным

¹ См.: Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Звездный час философии // *Вопр. философии*. 2015. № 12. С. 198–203.

для всех, кто имеет то или иное отношение к ситуации, потребовавшей экспертизы. С нашей точки зрения, экспертиза – это процесс осмысления того нового, что встречается в нашей жизни, с чем мы еще не привыкли иметь дело, что может нести с собой риски, вызывать опасения и т. д. В этом смысле экспертизу можно охарактеризовать как обживание новых пространств, которые раскрываются перед человеком.

М.А. Пронин. Я хотел бы сказать о многих вещах, поэтому некоторые тезисы будут достаточно резкими, но это не значит, что они не подлежат обсуждению, сомнению, опровержению... С другой стороны, время ограничено – отдаю себе отчет, что придется скользить по поверхности «философии как экспертизы».

Мой путь в философию эмпирической. Пока шел, каждый раз оказывалось, что задачи, которые жизнь ставила, всегда превосходили то образование, которым я в тот момент располагал. Я военный врач, закончил Военную медицинскую академию им. С.М. Кирова в Ленинграде, в общей сложности за время службы принял участие в 5 государственных программах. Все они были уникальными, новыми, как сегодня говорят, инновационными. Одна из них – госпрограмма уничтожения химического оружия. Очевидно, что при ее разработке надо было делать прогнозы, в частности прогнозы заболеваемости в районах размещения особо опасных объектов по уничтожению химического оружия². Причем в очень нестандартных условиях, а именно: когда никакие нормы допустимых выбросов не должны и не могут быть нарушены. Ситуация противоестественная: ничего не выбрасывается в окружающую среду, а если и есть выбросы, то они допороговые или подпороговые, то есть мониторинг как таковой и не требуется. С другой стороны, система профилактического контроля и наблюдения должна быть развернута! На что ее нацеливать, если ничего нет? (В ситуации аварии, нежелательного инцидента – прогнозирование более-менее понятно: тип отравляющего вещества, его специфическая токсичность, объем выброса – потенциальная токсодоза считается быстро, как и ее распределение в атмосфере, воде...)

Оказалось, что найти специалистов и экспертов по тому, чего нет, очень сложно. Когда мы такую группу пытались сформировать – вы, возможно, слышали об опросах по методу Делфи, во всяком случае экспертные группы, фокус-группы, что сейчас проводится в социологии и маркетинге, известны в большей степени, – оказалось, что часть коллег даже с высокой квалификацией уходят от предложения, оценивая себя как некомпетентных в области прогноза в нестандартной ситуации. А те, которые согласились, где-то на 3-м или 5-м туре экспертизы начинали злиться и говорить: «Вы заставляете нас все это выдумывать, потому что в литературе ничего нет!». На что мне приходилось отвечать: «Если бы было в литературе, есть специальные институты, мы бы заказали им обзор литературы, получили бы этот обзор и на него бы опирались».

Примерно такая же задача стояла при прогнозе заболеваемости в районах, подвергшихся радиационному загрязнению после катастрофы на Чернобыльской АЭС. Тоже нужно было спрогнозировать возможные болезни, посмотреть, насколько система здравоохранения адекватно может их выявлять. Это заболевания, которые в обычной практике мы пропускаем при учете, а в данном месте мы должны их отслеживать дополнительно.

² Пронин М.А., Шолохов В.М., Лисовой В.А., Браун Д.Л., Морозов С.А., Мирошин А.А., Калюкин С.Л. Прогнозирование болезней, подлежащих мониторингу в районах хранения и уничтожения химического оружия // Журн. Рос. хим. о-ва им. Д.И. Менделеева. 1994. Т. 38. № 2. С. 88–90.

Сформировать и «заставить» работать группу экспертов в подобном поле – очень непростая задача, ведь истории наблюдений нет, научная литература если и есть, то только косвенная.

Здесь мы выходим в пространство, казалось бы, конкретных дисциплинарных знаний – заболеваемость в районе, подвергшемся/подвергающемся тому или иному воздействию. Моя кандидатская диссертация посвящена вертолетчикам-чернобыльцам, которые бросали мешки с вертолета в первые дни в жерло, в кратер разрушенного ядерного реактора. Авиационно-космическая медицина – это одна специальность, вторая специальность – внутренние болезни, третья – это организация медицинской службы, обеспечение деятельности ВВС, что относится к специальности «Тыл вооруженных сил», то есть к управлению. Следующая область специализации – это радиационная медицина и радиобиология, наконец пятое – медицинская статистика. Группа вертолетчиков небольшая, статистики для сравнения нет, что требует сложных методов статистической обработки. Мы выходим на междисциплинарные комплексные исследования, которые требуют знаний в области 5 и более специальностей одновременно. Причем специальности требуют интеграции не столько на уровне организации исследований, сколько на уровне парадигматики и методологии таковых: в приведенных экспертизах объект экспертизы относится к каждой из специальностей, но лежит в поле неизвестного для каждой из них. Это очень тонкий момент, в том смысле, что не очевидный.

Я рассказываю об этом, потому что и наш сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики, как и сектор комплексных проблем изучения человека, – выходец из Института человека РАН. Подобной комплексной междисциплинарной экспертизой развития человеческого потенциала мы занимались изначально, коллектив подбирался из людей, которые одарены многими способностями. У нас есть и музыканты, и поэты, и философы, и инженеры, и это все одновременно живет в одном человеке. Это люди, которые могут играть на нескольких инструментах – интеллектуальных, эмоциональных, физических, телесных. Здесь закономерен вопрос: почему такой человек не путается в этих реальностях? Видимо, происходит естественный отбор, когда мы находим и собираем специалистов, которые могут решать многомерные, нелинейные задачи.

Возвращаясь к теме «философия как экспертиза», скажу, что философская задача здесь состоит в том, чтобы представить, что будет за поворотом, за который даже никто заглянуть не может, попытаться сформировать это видение. Это должны быть люди не только с аналитическим стилем мышления или сознания. Кроме репродуктивного мышления они должны демонстрировать еще продуктивное мышление, синтетическое и попытаться вербально описывать то, что нас ожидает, соответственно, давать новые названия этим новым областям.

Экономическая статистика такая: у России 30 % мирового рынка вооружения, но это всего лишь 2 % от мирового рынка высоких технологий! Блеск и нищета нашей отечественной науки через эти цифры хорошо просматривается.

Для того чтобы оперировать подобной картиной, кем надо быть? Экономистом, политиком? Наверно, просто по-человечески смотреть и сопоставлять, чтобы сделать какие-то, может быть, и не очень приятные для нас выводы. Дальше встает вопрос: философы занимаются экспертизой, они что-то могут предложить?

Моя личная история прихода в философию как экспертизу связана с виртуалистикой. Это направление, которое родилось у нас в стране, как сформировавшееся научное подразделение оно возникло именно в Институте че-

ловека РАН. В далеком 1986 г. вышла первая статья в области виртуальных психологических состояний, авторы – Генисаретский Олег Игоревич и Носов Николай Александрович³. Есть школа Н.А. Носова, а в Институте философии РАН в то же время была группа, лидером которой был исследователь Игорь Акчурин. К сожалению, ни Н.А. Носова, ни И.А. Акчурина уже нет с нами.

Виртуальность на заре своего рождения была связана с двумя вещами – с состояниями, которые летчики-испытатели переживали, и с ошибками – с посадкой самолета на фюзеляж⁴. Летчику кажется, что он выпустил шасси, а на самом деле нет – в результате сажает самолет на фюзеляж. Наблюдался феномен неразличения выполненного и невыполненного действия. Этот феномен связан с фундаментальными свойствами психики человека, психического пространства: внутреннего, психологического, антропологического, духовного, субъектного, субъективного, как бы мы его ни называли. Оказалось, что Н.А. Носов, будучи одним из выпускников лучшего университета страны, лучшего психологического факультета страны, столкнулся с тем, что его знания и представления не адекватны тому объекту и предмету – ошибкам, – с которым он работает.

У Н.А. Носова в исследованиях выяснилось, что психическое пространство человека состоит из множества реальностей. У виртуалистики был нелегкий путь: оказалось, что категориальная оппозиция идеальное-материальное не описывает объекты, которые порождаются во внутреннем пространстве человека. Откуда приходит ошибка и куда она уходит?.. Конечно, посадка самолета на фюзеляж для большинства – что-то абстрактное, вряд ли кто-то из вас этим занимался, но бытовые ошибки вы, наверное, переживали. Человек обознался, описался, ослышался, оговорился, но продолжает действовать так, как будто он все делает правильно. Если вы ходите по земле, это одна история, а если вы летчик и летите в самолете, это, согласитесь, совершенно другая.

Я перехожу к новым технологиям, сегодня это технологии виртуальной реальности, технологии дополненной реальности. Данные технологии позволяют обманывать мозг человека, у него возникают аналогичные феномены неразличения. Правда, передовики в области технологических прорывов про ошибки неразличения не говорят, потому что у них фокус на внешнем – на технологическом. Виртуальная реальность, как мы – школа Н.А. Носова – ее понимаем, не связана со шлемом виртуальной реальности. Заходя в любой храм любой религии, вы сразу же попадаете в «шлем веры».

Но это уже гуманитарная экспертиза и философия. Для того чтобы рассказывать о нашем видении на прагматичном языке – абстрактный не все воспринимают, – тоже нужна какая-то история, иногда эти самые 30 лет, прежде чем мы можем четко сформулировать, рассказать, продемонстрировать какую-то актуальность нового взгляда на мир и на человека.

Я возвращаюсь к тому, что, когда Борис Григорьевич сделал первый доклад «Философия как экспертиза», я внутренне с этим согласился, да, я этим всю жизнь занимаюсь, но я этого никогда не называл. Это имянаречение, определение, формирование нового термина или понятия, если оно новое, то оно возникает из какого-то совершенно другого взгляда и мировоззрения. В этом задача философии, коллег, которые на то же самое смотрят почему-то по-другому, и почему-то это новое в голове конкретного человека родилось.

³ Носов Н.А., Генисаретский О.И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Тр. ГосНИИГА. Авиационная эргономика и подготовка летного состава. Вып. 253. М., 1986. С. 147–155.

⁴ Носов Н.А. Ошибки пилота: психологические причины. М., 1990.

Ю.В. Синеокая. Борис Григорьевич, согласны ли Вы с тем, что эта экспертиза имеет субъективный характер? То, что говорил Михаил, насколько это отвечает Вашему видению философии как экспертизы? Очевидно, что не у каждого философа за плечами такой богатый практический опыт.

Б.Г. Юдин. В экспертизе много может быть субъективного, я совершенно с этим согласен. Более того, по моему мнению, для той гуманитарной экспертизы, которой мы пытаемся заниматься, очень важно, что она не считает такой субъективный опыт отдельного человека чем-то несущественным, тем, от чего надо абстрагироваться, что надо так или иначе корректировать, исправлять, объективизировать и т. д.⁵

Я бы хотел оттолкнуться от одного из сюжетов, которые затронул сейчас Михаил Анатольевич. Недавно он выпустил замечательную книжку своих воспоминаний о Чернобыле.

М.А. Пронин. Она называется «Экзистенция: забытый Чернобыль. Записки ликвидатора. Философско-антропологический очерк»⁶.

Б.Г. Юдин. Чернобыль – это один из таких ярких примеров, может, даже самый яркий пример того, как технологии, которые создаются человеком, становятся враждебными и крайне опасными для человека. В отличие, скажем, от ядерного оружия, которое по самому своему изначальному замыслу направлено на уничтожение человека, технология энергии в ядерном реакторе создавалась во благо человеку, а между тем оказалось, что ее применение чревато такими катастрофическими последствиями для множества людей. Отталкиваясь от этого, я хотел бы пройти немного дальше и обратить внимание на то, что эта технология «мирного атома», когда она разрабатывалась, не была направлена непосредственно на человека. Конечно, имелось в виду, что она позволит увеличить производство дешевой энергии хорошего качества и что таким образом она будет влиять на человека, но при этом было ясно, что такое влияние должно быть только опосредованным. Оказалось, что эта технология может воздействовать на человека и непосредственно, и ее воздействие может вызывать катастрофические последствия, угрожающие самому существованию человека и человечества.

Теперь я хочу сказать о такой весьма характерной тенденции. Начиная примерно с последней четверти XX века все чаще разрабатываются и получают самое широкое применение именно такие технологии, которые направлены непосредственно на человека. Прежде всего это технологии биомедицинские и информационные. Что касается информационных технологий, позволю себе привести такую иллюстрацию. Я по образованию инженер, заканчивал МВТУ им. Баумана в середине 60-х годов. У нас был короткий 6-часовой курс программирования. Заключался он в том, что мы учились писать числа не в десятичной, а в двоичной системе. В МВТУ был один из первых советских компьютеров, это было огромный агрегат, который занимал площадь двух-трех довольно больших аудиторий. Небольшая часть одной из аудиторий была тем местом, где только и могли находиться люди. В те времена развитие компьютеров только начиналось, и вполне естественно было ожидать, что размеры компьютеров и количество составляющих их

⁵ См. в этой связи: Юдин Б.Г. Необходимость и возможности гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 186–194.

⁶ Пронин М.А. Экзистенция: забытый Чернобыль. Записки ликвидатора. Философско-антропологический очерк. М., 2016. Книга – Лауреат международной премии (при участии Правительства Москвы) «Звезда Чернобыля» за 2016 год. Книга в 2016 г. принята в дар Государственной библиотекой им. В.И. Ленина в специальный фонд хранения в числе лучших книг, посвященных чернобыльской тематике (за 2011–2016 гг.).

элементов будет увеличиваться. Но эта тенденция резко изменилась, когда вдруг появился персональный компьютер, приспособленный для того, чтобы с ним управлялся всего-навсего один человек. В результате компьютеры, ориентированные непосредственно на отдельного индивида, на взаимодействие с этим индивидом, стали незаменимыми помощниками человека во многих сферах его деятельности.

Что касается биологических и медицинских (биомедицинских) технологий, они изначально ориентированы на отдельного человека. В конце 60-х гг. начался очень бурный прогресс в области развития таких технологий. Они становились все более и более эффективными, но вместе с тем и все более агрессивными, все глубже внедрялись в тело и психику человека. Затем, уже в начале нынешнего столетия, стал обнаруживаться весьма глубокий сдвиг в том, что касается сферы применения этих технологий.

Когда мы говорим о (био)медицинских технологиях, то имеем в виду, что они разрабатываются и применяются для того, чтобы так или иначе способствовать восстановлению или поддержанию здоровья человека, предотвращению заболевания, облегчению состояния человека, в частности, при неизлечимой болезни и т. п. К примеру, какие-то процессы внутри организма дают сбой, а соответствующие технологии позволяют вернуть их в правильное русло. Предполагается, что есть какие-то нормы функционирования отдельных органов и всего организма в целом, и в случае отклонения тех или иных процессов от этих норм биомедицинские технологии используются для того, чтобы восстановить нормальное функционирование организма.

Однако по мере того, как прогресс биомедицинских технологий становится все более ощутимым, люди начинают задумываться не только о возвращении к норме, но и о том, чтобы с помощью технологий попытаться улучшить какие-то физические либо интеллектуальные способности человека. Возникает новая проблемная область улучшения человека, т. е. создания и применения в этих целях биомедицинских технологий.

На мой взгляд, при этом происходит очень существенный сдвиг, значимость и масштабы которого мы только начинаем осознавать. Важно отметить, что осознание и оценка этого сдвига является очень серьезной философской проблемой. В тех ситуациях, когда технологии воздействуют на внешний мир, то человек, который их использует и на которого они воздействуют опосредованным образом, выступает как своего рода точка отсчета, как начало координат. Мы можем считать эту точку неподвижной и, находясь в ней, наблюдать и оценивать все в соотношении с человеком, который выступает как мерило (включая, между прочим, и ценностные параметры) всего того, что создается технологиями.

Но когда объектом технологических преобразований становится сам человек, мы теряем начало координат, тот ориентир, которым все время пользовались для оценки технологических инноваций. Выбор начала координат становится произвольным, что позволяет обосновывать любые технологические трансформации человека. Здесь возникает проблема, которая обсуждалась на той конференции в Страсбурге, о которой я рассказывал в начале: что же будет дальше с человеком? Мне представляется, что проблематичными становятся ключевые характеристики человеческого существования: его формы, его продолжительность, его смысл.

М.А. Пронин. Я могу добавить несколько прагматичных иллюстраций к тому, о чем говорит Борис Григорьевич. Во-первых, он говорит про то будущее, в котором вы окажетесь. Это будущее как страшный суд, потому что оно

придет неожиданно, потому что оно придет независимо от вас. Это пространство начнет вас судить, оно уже судит. Вы заметили, что у меня уже эсхатологический дискурс? Чтобы описывать будущее, надо либо запугать, либо прельстить, другого нет. То, что произойдет Чернобыльская катастрофа – самая неповторимая катастрофа в мире, – никто не думал. А вот создатели этой технологии, как и Господь Бог, они думали о том, что они творят, о том, что зло на земле порождается ими тоже?

Многие прагматики, технологи, ученые и исследователи создают что-то новое на пределе своих внутренних сил и ресурсов, они целенаправленны. А как учил С.В. Илюшин, наш знаменитый конструктор самолетов, в памятке для сотрудников-конструкторов авиационной техники, самолет – это всегда компромисс, но это всегда целенаправленный и целеопределенный компромисс. О чем идет речь? Мы не можем создать самолет вообще. Это либо самый лучший планер, либо самый скоростной, либо самый вооруженный, либо самый защищенный, либо самый высотный, либо самый дальний по полету. Мы не можем сделать все сразу.

Работая на пределе своих возможностей – интеллектуальных, технологических, а сейчас еще и финансовых, – человек вынужден прагматизироваться, у него просто нет возможности смотреть на себя в более широком контексте, создавая новую технологию как Господь Бог. А дальше мы начинаем заниматься оправданием, теодицеей: как можно допустить какие-то плохие следствия творения? Вспомним: и сказал Бог, что все сотворенное им было хорошо! И создатель атомной электростанции тоже сказал, что было хорошо. И государственная комиссия, которая ее принимала, тоже сказала, что все хорошо. И мы, когда посмотрели на свет, на лампочки Ильича, тоже сказали, что все хорошо. А потом оказалось, что мы должны эту вдруг возникшую проблему решать, а мы не обучены. Я участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, а где взять лучших специалистов по ликвидации таких катастроф, где их готовили у нас?

Сегодня мы попадаем в пространство «ПППП медицины»: Предсказательной, Профилактической, Персонифицированной, Партисипативной – когда каждый человек начинает быть сам для себя врачом. Человек начинает думать, как новые технологии в условиях информированного согласия в отношении себя применять. Я могу задать очень простой вопрос: кто из вас знает, как мы устроены анатомически, кто из вас знает, как мы устроены физиологически, психологически, духовно, какая у вас структура воли, внутреннего пространства и т. д.? Сегодня эти технологии являются вызовом для представления человека о самом себе, вообще о мире. Придется отвечать на эти вопросы.

Возвращаясь к тому, с чего я начал, – будущее приходит как страшный суд, и все мы туда попадем. Здесь такая интерактивность начинается – совершенно новая, и совершенно новое гуманитарное пространство разворачивается, связанное с какими-то новыми антропологическими, экзистенциальными константами, на которых вообще наша жизнь базировалась. Как это все обсуждать и кому обсуждать, в каком контексте и с какой колокольни? Это большой вопрос. В какой-то момент встает вопрос не просто о прагматической интеграции, не просто о методологическом каком-то объединении взглядов и подходов. А встает вопрос вообще о новых языках описания, описания новых возможностей, нового человека. А есть языки-навигаторы – языки переключения из одного представления в другое, из одной целеопределенности в другую. Все, что связано с переключением

субъекта деятельности в системе деятельности, это уже осмысление человеком самого себя. Это то, что выходит за рамки психологии как таковой, которую мы представляем, это уже философия и мировоззрение. Сейчас философия и мировоззрение становится прагматической силой, потому что технологии виртуальной реальности основаны на неразличении человеком иллюзий, миражей, сна и действительности, в которой он находится. Сейчас встает вопрос вообще о новой форме эволюции человека, потому что начнут «отбираться» люди, которые могут обманываться. Встанет вопрос, насколько природа человека защищает самого человека в подобных новых технологиях. У вас начинают появляться множество телесностей одновременно, множество сознаний, множество личностей, множество внутренних пространств, где вы сами себя идентифицируете.

Б.Г. Юдин. Я хочу оспорить один тезис, который сейчас развивал Михаил Анатольевич, а именно тезис о том, что технологическое развитие содержит в себе некую неизбежность, а людям остается лишь принять эту неизбежность и по возможности приспособливаться к ней. Я считаю, что у людей все же есть возможность не просто плыть в русле научно-технического потока, а как-то еще и ориентироваться в нем. Этот поток течет не помимо нас, вовлекая нас, напротив, мы сами участвуем в формировании этого потока. Одно из оснований идеи гуманитарной экспертизы и, более широко, философской экспертизы состоит в том, чтобы предоставить людям дополнительные возможности ориентироваться в этом потоке и делать свой рациональный выбор в ситуациях, когда открываются те или иные технологические возможности. В действительности современные технологии открывают массу возможностей, и далеко не все их удастся реализовать.

Многие технологические инновации возникают в значительной мере потому, что мы, люди, делаем выбор в их пользу. В современной философской литературе используется такое понятие, как социотехнические мнимости. Это то, что не существует, но технологически возможно. Мы сегодня окружены такими мнимостями. Поскольку их достаточно большое число, мы можем делать выбор в пользу одних и против других. А это значит, что в какой-то мере мы сами направляем технологическое развитие. Я вовсе не хочу сказать, что эти возможности выбора делают доступными какие-то простые решения; речь идет о том, что именно нам, ныне живущим людям, надлежит об этом задумываться, заниматься всем этим. Тем самым мы не только прочерчиваем какие-то контуры будущего для тех, кто придет после нас, но и сами начинаем более основательно ориентироваться, разбираться с самими собой.

Сегодня одним из достаточно популярных идейных течений, ориентированных на осмысление будущего человека и человечества, является трансгуманизм. Речь в нем идет о создании существа, которое называют трансчеловеком, постчеловеком, сверхчеловеком; предлагаются самые разные сценарии создания существ, которые будут превосходить нас, и неясно, будут ли вообще существовать люди, какими мы их знаем, и как будут к ним (т. е. к нам) относиться эти трансчеловеческие существа.

В свое время Маркс писал: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Современная наука, правда, не соглашается с тем, что человек произошел от обезьяны – речь идет о наличии общего предка у человека и человекообразных обезьян. Так или иначе, но, изучая эволюционные тенденции, мы лучше понимаем наших предшественников, которыми Маркс считал обезьян. Я думаю, что этот афоризм можно переиначить таким образом, что анатомия постчеловека – ключ к анатомии человека.

Когда мы начинаем разбираться с выдвигаемыми сегодня замыслами постчеловека, то тем самым узнаем что-то новое не столько об этом постчеловеке, сколько о самих себе. С этой точки зрения трансгуманизм представляется мне достаточно интересным, и он возвращает нас к тем проблемам, которых я уже касался. В трансгуманистическом пространстве мы опять-таки лишаемся того начала координат, которое задается привычным нам человеческим существованием; при этом образ трансчеловека пока никем не был обрисован с такой четкостью, чтобы его можно было принять за новую, альтернативную точку отсчета. Здесь пока крайне мало определенного, на что можно было бы опираться в попытках рационального осмысления этой ситуации. Тем не менее уже сейчас, на мой взгляд, начинаются какие-то кардинальные сдвиги в нашем собственном самопонимании. И в этой ситуации то, что можно было бы назвать философской экспертизой, гуманитарной экспертизой, представляется совершенно необходимым.

М.А. Пронин. Наверно, по жанру, что сложился в нашем разговоре, я продолжу приводить какие-то конкретные примеры, поскольку они сейчас могут быть полезными. Если говорить про философскую экспертизу, гуманитарную экспертизу, пространство сопровождения нашего развития, то надо констатировать, что, к сожалению, никто, кроме самого специалиста-новатора, как правило, про это никогда не напишет. Язык сухих цифр не всегда становится жаром холодных чисел. У нас не так много людей, способных интересно писать про математику, про циклопентанпергидрофенантрен, потому что все эти вещи должны быть для человека живыми.

Здесь мы можем увидеть, что пространство такого сопровождения, которое мы ждем, например, от журналистики, не работает. Гуманитарная экспертиза этого поля говорит о том, что, к сожалению, у нас журналистов готовят в основном для эмоциональной журналистики, а не для содержательной, научно-популярной, технологической, инженерной и т. д. Фактически, если мы хотим сегодня говорить о научно-технологических прорывах, например о той же самой «ПППП-медицине», то, если что Предиктивно – предсказано, еще понятно, Профилактическая тоже, вроде, ясно, а дальше уже Персонифицированная – как понять самого себя? И Партисипативность – как я могу приложить первые три «П» к самому себе? Это уже нужно объяснять и популяризировать и рассказывать об этом человеку. Для этого мы должны иметь соответствующих специалистов, возможно, стимулировать получение журналистского образования людьми, уже имеющими какой-то специалитет или просто высшее образование и опыт. Ведь это вопрос самоидентичности человека, определения его взрослости: способен ли ты по-взрослому относиться к самому себе, к окружению, к жизни, к миру?

Это неразличение происходящего говорит о том, что у человека недостаточно взвешенное, зрелое мировоззрение, поэтому что мы можем смотреть социальное кино, которое нам показывают, годами: первый Майдан – разочарование, второй Майдан – разочарование,.. пятый – разочарование,.. пятнадцатый – то же самое. Здесь всегда вопрос: кто я и куда я иду? Эта взрослость, социальная трезвость – это то, что человека будет защищать. Это вещи, которым в школе не учат. К сожалению, это то, что человек начинает осваивать позже всего в жизни, а это самое простое, но и самое трудное для осознания. Он начинает осваивать мировоззрение долгожителя, человека, которому здесь интересно, – об этом можно много говорить. У долгожителя есть обязательства перед сообществом, он выполняет функцию – распределяет витальный потенциал в сообществе, а это какое-то другое пространство

для практики жизни, это какая-то другая система ценностей, другой взгляд на то, что происходит. Это достаточно трезвый взгляд, когда должитель может об этом внятно сказать.

Конечно, природа человека защищает сама себя. В этом смысле, как философ, как врач я верю в силу природы человека, которая неисчерпаема, непознаваема, мы еще даже не понимаем, насколько мы защищены, насколько мы можем противостоять сами себе. Здесь много загадок. Если я что-то гиперболизирую, то уповаю на эту тайну человеческой природы, которую мы пытаемся взломать, с какими-то благими целями, но всегда встает вопрос, насколько мы предвидим и понимаем, что может получиться. Я как врач могу сказать, что из всех врачей самые точные – патологоанатомы. К сожалению, люди к ним попадают слишком поздно. Здесь не хотелось бы, чтобы предметные специалисты были правы, хотелось бы, чтобы пространство человеческих ценностей, мужское, женское пространство сохранялись. Я думаю, ни одна практическая медицинская дисциплина про это сказать не может, а это очень важная вещь.

Б.Г. Юдин. Я хотел бы оттолкнуться от одного из принципов, который Михаил Анатольевич развивал по поводу природы человека. Мне представляется, что нынешние попытки улучшить человека ставят нас перед ценностной дилеммой. С одной стороны, есть ценностные установки, которые говорят, что природа человека, человеческий организм – это продукт длительной многотысячелетней эволюции, это то, что обладает самостоятельной ценностью. Вмешательства в природу человека весьма рискованны, так что действовать здесь надо чрезвычайно осторожно.

В 1932 г. американский физиолог Уолтер Кеннон написал книгу «Мудрость тела»⁷. В ней он впервые сформулировал понятие гомеостаза, говорил о том, что физиологические процессы тела устроены таким образом: когда те или иные системы организма выходят из состояния равновесия, начинают действовать механизмы, стремящиеся восстановить это состояние равновесия. Само выражение «мудрость тела» обозначает такую позицию, согласно которой биологическая человеческая природа есть нечто такое, что заслуживает самого бережного отношения.

С другой стороны, есть позиция, сторонники которой сейчас выступают все более агрессивно. Они говорят об ущербности человеческой природы, которая выражается во множестве самых разнообразных болезней и других дефектов и недостатков, свойственных человеку. Они приветствуют то, что сегодня появляется все больше технологий, позволяющих излечивать, исправлять, улучшать человека. Английский философ Джон Харрис говорит о том, что мы, может быть, уже опаздываем с улучшением, изменением человека, поскольку сейчас окружающий мир будет меняться так быстро, что человек, как он существует ныне, окажется просто нежизнеспособным. Мы сейчас находимся в ситуации резкого противостояния этих позиций. Про себя я могу сказать, что мне ближе первая позиция, но это отнюдь не значит, что я отказываю второй в праве на существование.

Теперь несколько слов о том, как возникла идея философии как экспертизы. Полстолетия назад в сфере биомедицинских исследований (в основной своей массе это исследования, в которых человек выступает в качестве испытуемого) начал формироваться такой институт, как этическая экспертиза. Сегодня он принял вполне развитые формы. На практике это выражается в том, что каждый исследовательский проект, прежде чем он будет одобрен, рас-

⁷ Cannon W.B. The wisdom of the body. N.Y., 1932.

сматривается особой структурой – этическим комитетом. При этом основное внимание уделяется тому, насколько велик будет риск для испытуемого от участия в исследовании, оправдан ли этот риск важностью знаний, которые предполагается получить в результате исследования, каким образом будет проинформирован каждый потенциальный испытуемый о сути исследования и о риске, которому он будет подвергаться, и является ли добровольным и осознанным его согласие на участие в исследовании. Разумеется, в состав этического комитета должны входить профессиональные медики, которые понимают, в чем научная суть планируемого исследования. Но наряду с этим обязательным является и участие тех, кто не разбирается в медицине, они могут не разбираться в научной стороне исследования, их роль состоит в том, что они могут увидеть, что значит участие в данном исследовании с точки зрения рядового обывателя. Скажем, я, хотя никоим образом не претендую на то, чтобы считаться специалистом в медицине, тем не менее заседаю в таком комитете, и мое мнение вполне равнозначно мнению специалиста – допустим, если исследование касается сердечно-сосудистых заболеваний, то специалиста-кардиолога. Моя задача состоит в том, чтобы попытаться встать на позицию того пациента, который будет испытуемым в исследовании, и обратить внимание на то, что значимо именно для него.

Этой проблематикой мы начинали заниматься в Институте человека и пришли к выводу, что сферу применения такой этико-гуманитарной оценки имеет смысл расширить и говорить не только о сфере биомедицинских исследований, но о любой новой технологии, особенно человеко-ориентированной, когда она еще только разрабатывается и при этом есть необходимость выявить и оценить возможные риски от ее разработки и применения. Такую процедуру оценивания мы назвали гуманитарной экспертизой. Сейчас, в связи с развитием эмерджентных технологий, возникает, как я уже говорил, необходимость их более широкого и многопланового рассмотрения, т. е. именно того, что можно называть философской экспертизой.

М.А. Пронин. Я бы добавил, завершая свое выступление и слушая Бориса Григорьевича, как мне кажется, важно, чтобы это прозвучало. Это вопрос о навигации самого человека в многомирии – во множестве миров, причем с постановкой самому себе экспертного заключения о своей собственной адекватности или неадекватности. Мы знаем теорему неполноты Гёделя, что нельзя описать систему языком системы, находясь в ней. Если продолжить говорить про альтернативы, то практика исследований на людях и животных руководствуется некоторыми принципами. К слову, на людях исследования проводят, на животных – эксперименты.

Все, что связано с модификацией человека и с гуманитарной экспертизой, это, конечно же, процесс, конечно же, диалог. Конечно же, это разговор, причем разговор, который ты как исследователь, разработчик-новатор должен поменять, ты должен перейти со своего языка на какой-то язык жизни и язык будущего. Рост и развитие – самые естественные вещи в жизни, но они самые трудные. Самое сложное – обсуждать то, чего еще нет. В общем, если ты попадаешь в пространство создания атомной бомбы, которую никто не создавал, атомной электростанции, которую никто не строил, то у тебя должна быть такая мировоззренческая внутренняя зрелость. Из этого вытекает, что это философия – это мировоззрение, когда ты должен себя ставить в определенное место, в определенную позицию. Поэтому философия как экспертиза для меня – это абсолютно инструментальный, прагматичный тезис, который является обобщающим для меня. Я еще раз возвращаюсь к тому, когда Борис

Григорьевич сказал про философию как экспертизу, я для себя понял, что всю жизнь этим занимаюсь и на практическом, и на логическом, на методологическом и парадигматическом уровнях, решая задачу собственной адекватности как исследователя, и стараюсь понять, что я не заметил, что я не понял и что сделал не так. А это 3 вопроса Резерфорда: что нового заметили за неделю? что нового поняли? что нового сделали? Эти три вопроса сотрудники Резерфорда задавали сами себе по средам, когда обсуждали итоги прошедшей недели. Как мы понимаем, это 3 вопроса гуманитарно-философской экспертизы самих себя, это те самые 3 вопроса, которые мы должны задавать сами себе, если мы хотим оставаться людьми.

Б.Г. Юдин. Я бы поддержал то, что говорил Михаил Анатольевич. Однако я могу заметить, что лет двадцать назад у нас в стране совершенно не было какого-либо понятия об экспертизе, которая проводится этическим комитетом, сейчас же такая экспертиза стала обыденной рутинной. Далеко не все происходит так быстро, как хотелось бы и как бы было надо, тем не менее, как говорится, жизнь заставляет.

Если вернуться к Страсбургской конференции о новейших технологиях и правах человека, там было предложено достаточно много сценариев, которые связаны с тем или иным риском, может, очень серьезным для человека. Сейчас идет обсуждение этих сценариев. В этом случае никак нельзя говорить о запаздывании философии. Как выясняется, человечество бывает способно учиться. Ведь лет 70 назад, когда почти все верили в безграничный прогресс науки, не возникало опасений по поводу того, что какие-либо новые научно-технические достижения бывают чреватые не только благодатными плодами, но и серьезными рисками. Все это происходило на моей памяти: в журнале «Вопросы философии» мы только начинали ставить эти проблемы. Нас тогда обвиняли в том, что мы, такие обскуранты, хотим затормозить прогресс науки. Мы же говорили о том, что далеко не всегда научно-технические достижения несут в себе только положительное начало. Сейчас это стало общераспространенной точкой зрения, так что мало кто оспаривает существование таких проблем.

М.А. Пронин. Так называемые технологи, которые думают, что они придумали эти самые технологии виртуальной реальности, не дают себе труда задать один вопрос или просто сформулировать тезис о том, что технологии виртуальной реальности не работали бы, если бы не работала природная виртуальность человека. Наша школа виртуалистики как раз занимается природной виртуальностью. Почему-то создатели технологий виртуальной реальности как-то не спешат прийти и прочитать то, что у нас написано за эти 30 лет. Понимаете, мировоззрение – это психофизиология в том числе. Насколько мы можем контролировать наше дыхание, примерно настолько же мы можем свою мысль и мышление контролировать. Я очень мало видел людей, которые способны выслушать чужую точку зрения. Еще меньше я видел людей, которые могут ее воспринять. Еще меньше людей, которые могут с ней работать.

Вопрос из зала. В философской экспертизе какие инструменты и методы какого философского направления, что-то связанное с лингвистикой? Из структурализма, из аналитической философии?

Б.Г. Юдин. Есть такое направление, которое находится на грани между философией и социологией науки, его называют «исследования науки и технологий» либо же «наука и технологии в обществе». Сами эти названия мало о чем говорят, но проблематика, которой занимаются в этой области знаний,

сосредоточена на том, каковы социальные механизмы порождения новых знаний и технологий и их восприятия в обществе. Это течение достаточно широко представлено в философской литературе.

М.А. Пронин. Могу сказать, что надо пережить свои собственные границы – самые разные языки. Наше направление – виртуалистика школы Н.А. Носова – занимается исследованием онтологии внутреннего пространства человека, как бы оно ни называлось. Мы пришли к пониманию того, что парадигматическая сетка, которой все описывают внешний мир, не подходит для описания объектов внутреннего пространства человека. Соответственно, мы выходим на свою собственную терминологию, а это уже какое-то лингвистическое направление. Понятно, что следует назвать инструменты, связанные с теми направлениями, которые пытаются проблему комплексности, междисциплинарности решать. Это различные системные методы и подходы. Я вышел из советского военно-промышленного комплекса, соответственно, советское инвариантное моделирование на основе гиперкомплексных динамических систем А.Н. Малюты⁸. Мне это помогло, хотя я с системными методами второго поколения знаком – это то, что сейчас в большинстве своем издается, – я смотрю, но понимаю, что все это частные случаи инвариантного моделирования. Мы уже работаем со своим собственным инструментом.

Литература есть. В прошлом году вышла книга «Виртуалистика в Институте человека РАН»⁹. В ней реконструирована логика становления нового парадигматического подхода, описана феноменология, начиная от феномена неразличения, потому что идиопатическая патология в медицине связана с феноменами неразличения, и заканчивая аномиями у виртуального человека. В книге представлен целый класс примеров. Виртуалистика – самостоятельный язык, нужен налет часов, чтобы на нем заговорить. Как японский язык – его надо учить. Этот точно так же.

Вопрос из зала: Я согласен с тем, что философия сегодня, может, даже основная ее функция – экспертиза. Это как-то следует из того, что когда-то она была теорией мира в Древней Греции. Когда-то она была теорией познания у Декарта, а после лингвистического поворота ее называли терапией и сегодня называют. По крайней мере, такой посттеоретический характер. Почему это случилось? Известно, что гуманитарные ценности современные уходят своими корнями в эпоху Возрождения и деятельность гуманистов. Тогда как раз философы выступали как противники, чуть ли не враги гуманистов. Философами называли схоластов, а гуманистами были, по сути, сегодняшние филологи. Они так друг друга недолго любили, там была скорее не экспертиза, а ограничение. Сегодня могут ли философы участвовать в создании ценностей? Или такая отстраненная, оценивающая роль?

Б.Г. Юдин. Я начну со второго вопроса, с того, насколько философы могут участвовать в создании ценностей. В принципе, они могут это делать точно так же, как и все другие люди. Предполагается, однако, что философ может еще и рефлексировать по поводу ценностей. На мой взгляд, более существенно не создание ценностей, а их артикуляция. И здесь я перехожу к первому вопросу. Философы обращаются к тем проблемам, о которых я говорил, вовсе не потому, что им больше некуда деться. Философия занимается выявлением и анализом предельных проблем, предельных оснований человеческого бытия. Мне представляется, что сегодняшнее и завтрашнее человеческое бытие будет определяться тем, какие технологии создаются и

⁸ Малюта А.Н. Гиперкомплексные динамические системы. Львов, 1989.

⁹ Пронин М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН. М., 2015.

используются людьми. С моей точки зрения, это не есть какая-то отдельная отрасль философии. Я видел бы суть философского подхода к современной жизни человека и общества именно в том, что некоторые технологические достижения, технологические возможности позволяют и даже заставляют совершенно по-новому смотреть на человека, на его будущее.

М.А. Пронин. Я согласен с рассуждениями Бориса Григорьевича. Я бы просто добавил конкретный пример в качестве ответа на Ваш вопрос. Сейчас мне предстоит читать проект этического кодекса врача, из чего я буду исходить? Я буду исходить из очень простой вещи, которую я вижу. Я понимаю, что вижу ее не как врач по образованию. Я думаю, что беда российского здравоохранения сейчас, да и вообще беда нашей страны в том, что труд в России стал безблагодатным. Исходя из этого, я и буду смотреть на кодекс. К слову, я давал клятву советского врача, в конце ее в то время было записано, что я должен бороться за мир.

Б.Г. Юдин. Если рассматривать в целом мироздание и космос, то человек может восприниматься как песчинка, в этом, наверно, я бы с Вами согласился. Но я хотел бы видеть мироздание несколько иначе, видеть именно в этой песчинке в космосе основное и основополагающее. Судьба человека, его страдания, его искания – мне представляется, что мир строится как раз вокруг этого.

Список литературы

Малюта А.Н. Гиперкомплексные динамические системы. Львов: Выща школа, 1989. 120 с.

Носов Н.А. Ошибки пилота: психологические причины. М.: Транспорт, 1990. 64 с.

Носов Н.А., Генисаретский О.И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Тр. ГосНИИГА. Авиационная эргономика и подготовка летного состава. Вып. 253. М.: ГосНИИГА, 1986. С. 147–155.

Пронин М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН. М.: ИФ РАН, 2015. 179 с.

Пронин М.А. Экзистенция: забытый Чернобыль. Записки ликвидатора. Философско-антропологический очерк. М.: Канон+, 2016. 224 с.

Пронин М.А., Шолохов В.М., Лисовой В.А., Браун Д.Л., Морозов С.А., Мирошин А.А., Калюкин С.Л. Прогнозирование болезней, подлежащих мониторингу в районах хранения и уничтожения химического оружия // Журн. Рос. хим. о-ва им. Д.И. Менделеева. 1994. Т. 38. № 2. С. 88–90.

Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Звездный час философии // Вопр. философии. 2015. № 12. С. 198–203.

Юдин Б.Г. Необходимость и возможности гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 186–194.

Cannon W.B. The wisdom of the body. N. Y.: W.W. Norton & Co., 1932. 312 p.

Philosophy as expert examination

Mikhail Pronin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: pronin@iph.ras.ru

Boris Yudin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: byudin@yandex.ru

Julia Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

This is a written account of a panel discussion on the role of philosophy when it is made to function as expert examination. This application of philosophy is getting more prominence with the increasing impact of new technologies on the world and on humans. Tendencies in the development and implementation of human-oriented technologies induce one to consider the prospects of a radical change in the physical, psychological, intellectual and even moral qualities of man, and to reflect on the effects of putting such technologies into practice. The panelists were unanimous in rejecting the tenets of ‘technological determinism’ according to which man and human society have no control over the direction of technological progress and are left to adapt to the changes brought about by new technologies. They agreed that one could, and should, try to foresee the consequences of the multiform influence technology exerts on humans, which could not be achieved without employing philosophical imagination and the tools of rational thinking elaborated by philosophy. The practice of the European Council Committee on Bioethics may serve here as illustration: they involve philosophers in the discussion of the impact development of new technologies has on human rights and on the dignity of man. Another aspect of the appraisal function acquired by philosophy can be seen in the history of virtualistics: this new field of study has demonstrated the urgent need for philosophical expert examination of scientists’ *Weltanschauung* and has revealed, through an analysis, *inter alia*, of Chernobyl nuclear accident, the risks of new technologies.

Keywords: anthropology, expert examination, humanitarian expertise, bioethics, human-oriented technology, human ‘enhancement’, virtualistics, virtual person, Chernobyl catastrophe, chemical weapons

References

- Cannon, W.B. *The wisdom of the body*. New York: W.W. Norton & Co., 1932. 312 pp.
- Malyuta, A. *Giperkompleksnye dinamicheskie sistemy* [Hypercomplex dynamic systems]. Lviv: Vyshcha shkola Publ., 1989. 120 pp. (In Russian)
- Nosov, N. & Genisaretsky, O. “Virtual’nye sostoyaniya v deyatel’nosti cheloveka-operatora” [Virtual states in activity of the person operator], *Trudy GosNIIGA*, 1986, Issue 253, pp. 147–155. (In Russian)
- Nosov, N. *Oshibki pilota: psikhologicheskie prichiny* [Pilot errors: psychological causes]. Moscow: Transport Publ., 1990. 64 pp. (In Russian)
- Pronin, M. [Virtualistics in The Institute of Human studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: IPh RAS Publ., 2015. 179 pp. (In Russian)
- Pronin, M. *Ekzistentsiya: zabytyi Chernobyl’*. *Zapiski likvidatora* [Existence: the forgotten Chernobyl. Liquidator’s notes]. Moscow: Kanon + Publ., 2016. 224 pp. (In Russian)
- Pronin, M., Sholokhov, V., Lisovoy, V., Brown, D., Morozov, S., Miroshin, A. & Kalyukin, S. “Prognozirovaniye boleznei, podlezhashchikh monitoringu v raionakh khraneniya i unichtozheniya khimicheskogo oruzhiya” [Prediction of diseases to be monitored in areas of storage and destruction of chemical weapons], *Journal of the D. Mendeleev Russian Chemical Society*, 1994, Vol. 38, No. 2, pp. 88–90. (In Russian)
- Tishchenko, P. & Yudin, B. “Zvezdnyi chas filosofii” [Philosophy’s hour of triumph], *Voprosy filosofii*, 2015, No. 12, pp. 198–203. (In Russian)
- Yudin, B. “Neobkhodimost’ i vozmozhnosti gumanitarnoi ekspertizy” [Necessity and possibilities of humanitarian expertise], *Znanie, Ponimanie, Umenie*, 2006, No. 4, pp. 187–194. (In Russian)